

ЮЖНОСЛАВЯНСКО-ГРУЗИНСКИЕ МУЗЫКАЛЬНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Существующие с древнейших времен историко-культурные контакты между Балканами и Кавказом хорошо известны и уже давно исследуются в разных исторических дисциплинах. В музыкознании же проблема балкано-кавказских взаимосвязей освещена мало. Это небольшие статьи Коллера¹, Штокмана², Якубова³ и др. В указанных статьях П. Коллера дается сравнительный анализ образцов болгарской, испанской, венгерской и грузинской колыбельных песен и устанавливаются убедительные совпадения между мелодическими линиями.

Весьма интересный опыт сопоставления болгарского и кавказского (дагестанского) музыкально-фольклорных пластов предпринят в статье М. Якубова «Болгария — Дагестан». По сравнению с вышеупомянутыми статьями П. Коллера здесь рамки сопоставления различных фольклорных традиций расширены, так как автор приводит для сравнения как одnogолосные, так и многоголосные песенные и инструментальные произведения болгар и дагестанцев. Автор отмечает явную близость сравниваемых им музыкальных культур и в заключение подчеркивает необходимость дальнейшего их сравнительного исследования с привлечением не только музыкально-фольклорного, но и историко-этнографического материала.

Особый интерес для нас представляет работа Э. Штокмана, где автор пишет о наличии общих черт между грузинскими и албанскими трехголосными песнями: способе их исполнения, типе мелодики, темпе исполнения, эмоциональной окраске, общем звучании. Штокман подчеркивает перспективу сравнительного изучения отмеченных музыкальных культур с целью установления генетической связи между ними. К сожалению, статьи Коллера и Штокмана небольшие по объему и сравнительный анализ в них основывается на единичных образцах сопоставляемых культур.

В представленной работе рассматриваются некоторые вопросы южнославянского-грузинских музыкальных параллелей. Сравнительный анализ проведен в основном по данным вокального многоголосия. Кроме того, в процессе исследования были обнаружены некоторые параллели между конкретными музыкально-этнографическими моментами и мелодическими типами, которые также были включены в область исследования.

Прежде всего укажем, что балканские очаги многоголосного пения изучены неравномерно. Если, например, болгарская многоголосная культура изучается давно и плодотворно, то греческой многоголосной традиции посвящены лишь небольшие статьи С. Перистериса⁴. Неравномерно охвачены по изучаемой нами теме разные народы Югославии. Наибольшим материалом мы располагаем по сербской, боснийско-герцеговинской, македонской, отчасти хорватской традиционной музыке. Исследования по словенской и особенно черногорской музыке немногочисленны, и, к сожалению, образцы этого многоголосия были почти недоступны для нас. Богатейшая албанская многоголосная традиция в доступных нам публикациях представлена тоже явно недостаточно. Именно поэтому на данном этапе исследования мы ограничились южными славянами — болгарами и некоторыми народами Югославии, имея около 9 тыс. примеров болгарской и около тысячи примеров югославянской многоголосной традиций, представленных в сборниках, монографиях и статьях болгарских и югославских этномусиковедов.

Прежде чем перейти к рассмотрению некоторых важнейших моментов южнославянского-картвельских (грузинских) многоголосных параллелей, оговорим, что выявленные нами аналогии основываются на единстве основных

системообразующих элементов музыкального мышления, а не на непосредственном слуховом сходстве. Это последнее, как известно, часто не указывает на внутреннюю близость, ибо за внешним сходством может стоять внутреннее отличие⁵ и наоборот.

Крайне важно, что многоголосные связи более отчетливо прослеживаются между архаическими пластами картвельской и южнославянской многоголосных традиций. Архаические слои многоголосия сохранены на значительной части территории бытования многоголосных традиций южных славян. Что касается грузинского многоголосия, здесь в процессе исторического развития многоголосная традиция достигла высочайшего уровня развития. Интересующие же нас более архаичные формы многоголосной практики, характеризующиеся в основном двухголосием, малоподвижностью сопровождающего голоса, отсутствием модуляций, представлены в горных регионах Восточной Грузии, а также на равнинах Восточной и Западной Грузии, в основном в женском репертуаре⁶.

В связи с этим крайне интересно, что наибольшее сходство в многоголосных традициях Восточной и Западной Грузии проявляется именно в женском песенном репертуаре. Мужские песни восточного и западного регионов более разобщены, достигают высокого уровня полифонического мастерства. Вышеприведенные факты указывают, видимо, на сохранение именно в женских песнях некоторых архаичных признаков древнего общегрузинского музыкального языка. Для нас особенно важно, что более простые и, видимо, древние формы многоголосного мышления в Грузии характерны для женских песен⁷, ибо как в Болгарии, так и в некоторых областях Югославии многоголосие в основном сохранено именно в женском репертуаре⁸. К тому же как в Грузии, так и у южных славян старые песенные слои строго делятся на мужские и женские.

Рассмотрим теперь некоторые важнейшие моменты грузинско-южнославянских параллелей в области вокальной многоголосной практики.

Многоголосие в Болгарии распространено в юго-западной части страны⁹, в других ее регионах в основном бытует одноголосная (унисонная или сольная) певческая традиция. Одной из наиболее распространенных древних форм многоголосной практики в Юго-Западной Болгарии является бурдонное двухголосие¹⁰. Однако встречаемся также с практикой бурдонного трех- и четырехголосия¹¹.

Многоголосие в Югославии распространено почти по всей ее территории. Полифоническая практика (двухголосие) характеризует древнебоснийскую и герцеговинскую музыкальные традиции¹². Одной из наиболее древних форм полифонии и в Боснии и Герцеговине некоторые авторы считают бурдонное двухголосие. Этот вид пения широко распространен в традиционной старой музыкальной культуре Сербии¹³. В Македонии бурдон представляет собой наиболее распространенный вид многоголосного пения¹⁴. Бурдонное двухголосие редко, но встречается в Хорватии. Здесь, к сожалению, труднее говорить о старых слоях музыкальной культуры, ибо ощутимо развитие современных форм многоголосного пения. Остинатно-бурдонное двухголосие бытует также в Словении в альпийских долинах¹⁵. В Истрии мы тоже встречаемся с бурдонными формами многоголосия¹⁶.

В Грузии бурдонный тип многоголосия является наиболее характерным. Он в большей или меньшей степени встречается во всех без исключения музыкальных диалектах Грузии¹⁷. Несмотря на то, что в Грузии наибольшее распространение получило бурдонное трехголосие, а не двухголосие, все же органичная связь между ними бесспорна. К тому же, как мы уже отмечали, бурдонное двухголосие в архаичных слоях грузинской музыки занимает значительное место¹⁸.

Заслуживает внимания также способ исполнения бурдонного многоголосия в Грузии и у южных славян, а основе которого лежит идентичный принцип: мелодические голоса ведутся солистами, а сопровождающий голос — коллек-

тивно. Отмеченный способ указывает на специфику исполнительских взаимоотношений в многоголосных песнях картвелов и южных славян.

Важным системообразующим элементом сравниваемых многоголосных культур является вертикальная координация голосов многоголосной фактуры. В архаичных пластах южнославянской традиции многоголосного пения основополагающим фактором вертикального соотношения голосов являются диссонированные созвучия — секунды, кварты, септимы. Секундовые созвучия болгарскими и югославскими этномузыковедами признаны наследием древнейших песенных пластов Балканского полуострова¹⁹. Что касается кварты и септимы, то в Боснии и Герцеговине, а также в Сербии они встречаются реже, чем в македонской и болгарской многоголосной традициях. Принципиально, что многие грузинские музыковеды считают диссонированные созвучия в грузинской музыке древнейшим явлением²⁰. Необходимо отметить, что в Болгарии и у народов Югославии роль диссонанса в количественном отношении гораздо больше, чем в музыкальной культуре Грузии. Кроме того, в грузинской многоголосной традиции диссонированная природа вертикали проявляется в основном в трехголосии, а не в двухголосии, и если в южнославянском двухголосии секунда обычно создается между солистом и басом (бурдоном), то в грузинских трехголосных песнях секунда чаще звучит между двумя верхними голосами. Интересно также, что секунда является одной из ведущих созвучий в двухголосных инструментальных наигрышах на грузинской флейте Пана — ларчеми, соинари²¹. Как известно, этот инструмент является одним из древнейших в истории человечества, и в его наигрышах до сегодняшнего дня могут быть сохранены древнейшие элементы музыкального мышления. В основном же для двухголосных грузинских песен, в отличие от трехголосных, секундовые созвучия, за малочисленными исключениями, нехарактерны (чаще звучат кварты и септимы). Диссонированная координация голосов проявляется также в болгарских трех- и четырехголосных песнях. Здесь, в отличие от грузинского трехголосия, секунды создаются между двумя нижними голосами. Редко, но все же встречаем трехголосные созвучия с секундой между двумя верхними голосами.

Типологическое сходство наблюдается между функциональными системами грузинского и южнославянского многоголосных традиций. В большинстве случаев движения сопровождающего голоса (бурдона) в песнях устанавливается секундовое функциональное соотношение между ступенями. Особенно отчетливо это выявляется в многоголосных песнях Юго-Западной Болгарии, Македонии, реже Сербии. В песнях Боснии и Герцеговины бурдон почти неподвижен. В Грузии для архаических форм многоголосия движение бурдонирующего голоса по принципу секундового соотношения ступеней являются наиболее характерной чертой. В секундовом движении бурдона заложена тенденция к постепенному освоению бурдонным голосом новых соседних ступеней. В развитых образцах грузинского народного многоголосия движение сопровождающего голоса охватывает широкий диапазон (квинта, секста, септима), перерастает в развитую мелодическую линию, теряет фактически функцию бурдона и способствует полифонизации многоголосной ткани (особенно в Западной Грузии). Хотя и в этих песнях бурдон играет большую роль — он время от времени появляется в разных голосовых партиях. Генетическая преемственность такого развитого многоголосия с архаичными, в том числе и бурдонными, формами многоголосия в грузинской музыкальной культуре не должна вызывать сомнения. В музыкальной культуре южных славян свободное мелодическое движение сопровождающего голоса в рамках функционального многоголосия не встречается. Исключение составляет распространенный в Тетовско (Македония) двухголосный стиль, характеризующийся более или менее независимым мелодическим развитием голосов²². Здесь диапазон сопровождающего голоса достигает иногда и квинты. Изучение и дальнейшее выявление этого интересного многоголосного стиля на Балканах может привести нас к новым открытиям из области балкано-кавказских музыкально-этнологических параллелей.

В многоголосных песнях южнославянских народов редко, но все же встречаются формы модуляции на большую секунду вниз или вверх. В таких песнях передвижение бурдона на новую ступень вызывает изменения в звукоряде предыдущего лада, так что новая ступень в бурдонирующем голосе воспринимается как тоника нового лада, расположенного на секунду вверх или вниз от предыдущей тоники. Отмеченная нами модуляция встречается в Юго-Западной Болгарии, в частности в Пиринском крае (т. е. Болгарской Македонии) и в Югославии — в Македонии. Аналогичная форма модуляции часто встречается в грузинских двух- и трехголосных песнях. В материале, которым мы располагаем из Сербии, Боснии и Герцеговины модуляции не встречаются. Несмотря на весьма узкое распространение этого явления у южных славян (Делчевско в Македонии и Пиринский край в Болгарии), модуляция здесь представляет собою вполне осознанное, закономерное явление, имеющее свою объективную основу: оно возникло на основе секундового функционального движения сопровождающего (бурдонного) голоса, ведь в секундовом функциональном движении баса уже заложено стремление к изменению устоя. Эта форма (перемена центра без изменения звукоряда) обозначена Н. Кауфманом как противопоставление двух устоев²³. Аналогичное противопоставление двух ладовых устоев (без изменения звукоряда) очень часто встречается и в грузинских бурдонных песнях (как в двух-, так и трехголосных). Нужно отметить, что в наиболее развитых образцах грузинской многоголосной традиции многообразные формы модуляции являются одним из главных элементов развития музыкальной формы.

Таким образом, южнославянская многоголосная традиция по нескольким важным системообразующим элементам сближается с многоголосной традицией Грузии.

Вкратце можно сформулировать и отличия между грузинским и южнославянским многоголосными традициями. Эти отличия заключаются, в частности, в количестве голосов в многоголосной фактуре (в основном трехголосие в Грузии и двухголосие у южных славян), в роли и месте диссонирующих созвучий в многоголосной ткани, а также в мере развитости и распространяемости модуляций. Видимо, причина перечисленных отличий состоит в различной степени развития и распространения изначально общих для южнославянского и грузинского традиций системообразующих закономерностей. Необходимо подчеркнуть также различия в амбитуе южнославянской и грузинской многоголосных музыкальных культур. На Балканах в основном распространена мелодика с узким объемом — терция, кварта, тогда как в Грузинской многоголосной традиции, в том числе и в архаичных двухголосных песнях, диапазон мелодики не ограничен и достигает иногда октавы. Касаясь южнославянской музыкальной культуры, необходимо упомянуть и о богатейшей метро-ритмической стороне музыкальной культуры как в одноголосных, так и многоголосных песнях разных регионов, которая во многом резко отличается от грузинской. Для грузинских музыкальных традиций нехарактерно такое богатство и разнообразие метро-ритмического начала. Следует отметить, что и параллели и отличия как в многоголосном, так и в одноголосном пластах грузинского и балканского музыкальных культур, очевидно, не ограничиваются перечисленными нами в данной статье моментами. Будущие исследования и, главное, историческое осмысление этих сопоставлений может привести нас к новым интересным выводам из области этнической истории сравниваемых этносов. Здесь необходимо отметить, что многоголосные очаги на Балканском полуострове не исчерпываются южнославянскими фольклорными традициями и охватывают также Албанию и северо-запад Греции — Эпир. Идею общности происхождения балканских очагов вокального многоголосия высказывал Н. Кауфман²⁴.

Балкано-кавказские многоголосные связи не ограничиваются балкано-грузинскими параллелями. Балканские формы многоголосия сближаются также

с музыкальными традициями некоторых народов Северного Кавказа. Этого важного вопроса на данном этапе мы пока не касаемся.

Отдельную, исключительно важную сферу сравнительного исследования представляет треугольник Кавказ — Балканы — Прибалтика. Надо учесть и то, что этот треугольник затрагивает и некоторые западнорусские традиции в Брянской, Курской, Смоленской, Орловской областях, а также Белорусско-Украинское Полесье. Отдельные сопоставления в этой области имеются в целом ряде этномузыкологических исследований²⁵.

Показательно, что параллели в области мелодики между восточными, западными и южными славянами неоднократно отмечались в работах Ф. А. Рубцова, К. В. Квитки, Н. Кауфмана, И. И. Земцовского²⁶. Необходимо подчеркнуть, что конкретные мелодии довольно легко передаются от одного этноса к другому (что специально отмечалось в музыковедческой литературе²⁷), так что аналогии в области мелодики могут привести к совершенно иным выводам, чем параллели в области многоголосия. Многоголосие, по мнению И. Жордания, — явление исключительно устойчивое, и наличие родственных форм многоголосия в различных этносах может указывать на древнее генетическое родство между его носителями. Эта гипотеза подтверждается широким музыкальным и внемузыкальным материалом²⁸. В предлагаемой работе музыкальные сопоставления, как было об этом сказано в самом начале статьи, основаны в первую очередь на данных многоголосия. Именно здесь и выявляются весьма существенные параллели между музыкальными традициями Балкан и Кавказа.

Как и можно было ожидать, южнославянско-картвельские параллели выходят за рамки многоголосных традиций и выявляются также в некоторых конкретных музыкально-этнографических моментах и мелодических типах. Материал в этом отношении у нас пока немногочислен, поэтому выявленные нами параллели нужно считать лишь первым этапом работы в этом направлении.

В первую очередь остановимся на распространенном в Грузии и на Балканах, в том числе и среди южных славян, обряде «Лазаре» (в Грузии) и «Лазаруване», «Лазарева суббота», «Кралице» (в Болгарии и Югославии — у сербов, македонцев, черногорцев, хорватов). Как в Грузии, так и среди болгар и народов Югославии этот обряд связан с женским репертуаром.

В Грузии обряд «Лазаре» связан с обычаем изменения погоды (вызывание или прекращение дождя). Во время ритуала празднично одетые женщины обходят село и поют соответствующую песню, предназначенную для божества погоды Лазаре. Участницы обряда несут специальную куклу, по пути обливают ее водой, а затем закапывают на берегу реки. Иногда куклу заменяет женщина в традиционной одежде (или мальчик). Когда желают прекращения дождя, хозяева дома посыпают участниц обряда золой²⁹. Итак, в Грузии обряд «Лазаре» непосредственно связан с аграрным культом плодородия. Обряд, связанный с божеством Лазарь, среди южных славян отличается по своему жанрово-функциональному содержанию от грузинского Лазаре. Участницы обходят дома и в каждом поют песни, посвященные благополучию семьи. Несмотря на то что грузинские и южнославянские лазарские песни отличаются друг от друга по содержанию, в них наблюдается сходная функция — обеспечить плодородие. С идеей плодородия в южнославянском обряде связано то обстоятельство, что в Южной Болгарии и некоторых областях Сербии и Македонии обряд содержит моменты, связанные с водой: участниц обряда хозяйка дома обрызгивает водой³⁰, купание в речке после окончания обряда, исполнение специального хоровода, притом обязательно у реки³¹.

Музыкальные параллели между интересующими нас обрядовыми песнями выявляются в общности интонационного типа, что создается комплексом нескольких моментов: 1) движение мелодической линии в первой части мелострофы в восходящем, а во второй части — в нисходящем направлении; 2) симметричность мелострофы; 3) ограниченность диапазона квинтой или квартой; 4)

синкопированный равномерный ритм; 5) исполнение обряда антифонно — двумя группами певцов.

Лазарские песни распространены почти во всех областях Болгарии. В юго-западных областях они исполняются многоголосно, в остальных же частях — одноголосно. К сожалению, мы не располагаем достаточным материалом по Югославии, в доступных же нам образцах интересующего нас интонационного типа не оказалось.

Весьма принципиально, что сходство мелодики грузинских и болгарских лазарских песен выходит за рамки данных обрядов и выявляется между целой группой обрядовых песен картвелов и болгар. В частности, мелодический тип грузинского Лазаре составляет основу других женских обрядовых песен, связанных с культом плодородия³². Аналогично обстоит дело с болгарскими лазарскими песнями. Схожий с грузинским мелодический тип «лазарования» встречается и в других обрядовых песенных жанрах, и в том числе, что особенно интересно, в песнях вызывания дождя «пеперуда», «герман». Встречается он также в колядах, в песнях ладуване, кумичене, русалиях, в некоторых хороводных песнях, исполняемых преимущественно женщинами.

Итак, проводя параллели между грузинскими и болгарскими лазарскими песнями, мы фактически выходим за рамки сходства только указанных конкретных жанров и находим общие черты в мелодике женских обрядовых песен картвелов и болгар.

Как видим, в сравниваемых обрядовых песнях Болгарии и Грузии сходятся функции песен в широком смысле этого слова — все они связаны с идеей плодородия. Сходится также структура песен — исполнение в основном женщинами антифонно — и тип интонации. «Следовательно, если совпадают в сравниваемых явлениях и функции и выбор интонации, то возможность случайности совпадения почти исключается, оставляя место либо генеалогической, либо полигенетической трактовке путем историко-сравнительного метода на базе действительно исторически обоснованного семантического сходства»³³.

С обычаем вызывания дождя в Болгарии и Югославии непосредственно связан широко распространенный на Балканах термин *додола*, *дудуле* и т. д. В обряде вызывания дождя видна непосредственная функциональная параллель с грузинским обычаем управления погодой «лазароба» (в Грузии известны и другие названия обряда — Гонджа, Гогашоба, Бочкудия, Кашатоба, Дзидзикваква и т. д.). Термин «дудуле», «додола» служит также припевом во многих песнях вызывания дождя «пеперуда» в Болгарии.

В. Иванов и В. Топоров связывают болгарский, сербохорватский, македонский, румынский, арумунский термины «додола», «дудола», «дудуле» и их разнообразные варианты, а также литовский *dundulis* с реконструируемым индоевропейским корнем *dhu*, что означает трясение головы или бороды бога громовержца³⁴. Болгарский языковед В. Георгиев считает термин принадлежностью реликтовых языков Балканского полуострова³⁵. В югославской историографии также высказывалось мнение о более древнем происхождении «додоле» в сравнении с культом Перуна на Балканах³⁶. Интересно, что в Болгарии термин «дудуле» в основном бытует в тех регионах, где распространена традиция многоголосного пения — в южных и западных частях. Для северных и восточных областей он нехарактерен³⁷.

В связи с данным термином заслуживает особого внимания текст одного из вариантов песни вызывания дождя, записанный в Грузии, — «Лазар модга каркао, адудулебс твалсао», т. е. «Лазар подошел к дверям и дудулит глазами»³⁸. Слово «адудулебс», т. е. глагол «дудули», не известен грузинской диалектологии. Несмотря на то что в Грузии на сегодняшнем этапе известен лишь один случай употребления термина «дудули», все же очень важным представляется тот факт, что он встречается именно в обрядовой песне вызывания дождя. Можно предположить, что раньше обряд вызывания дождя в Грузии был связан с древнейшим, теперь уже утерянным термином «дудули», «дудула».

Тем более что, как известно, Лазаре — название христианского божества и, следовательно, название обряда («Лазароба») заведомо более позднего происхождения, чем сам обряд.

Таким образом, продолжение поисков областей совпадения термина «додола/дудуле» с очагами многоголосия может привести нас к интересным балкано-кавказским и даже балтским сопоставлениям.

Коснемся еще одного этнографического момента в календарных обрядах южных славян. Как известно, на Балканах в день Св. Ивана (24 июня у католиков, 7 июля у православных), одним из важнейших моментов праздника является сохранение солнечной энергии после летнего солнцестояния. В этом усматривается связь с солярным культом³⁹.

Празднование дня Ивана сопровождается зажиганием обрядовых костров, пламенных стрел и колес, хороводами у костра и ритуальными песнями⁴⁰. Наше внимание привлекают некоторые названия этого ритуального костра в Югославии — «Лиле», «Олалие». Интересно также, что в Сербии, Черногории, Македонии и частично Боснии и Герцеговине значительное место в масленичной обрядности занимал огонь, в названиях которого встречаемся с терминами Лила, Олала⁴¹. В Болгарии известен хоровод с аналогичным названием «Лиле» и «Лила» (Западная Болгария)⁴². Можно отметить также, что слово «Лало» в одном из диалектов болгарского обозначает солнце⁴³. В связи с вышесказанным можно привести известную грузинскую, в частности сванскую, обрядовую песню «Лиле», связанную с солярным культом (гимн восходящему солнцу). К сожалению, материалы, которыми мы располагаем на данном этапе, не позволяют пока делать далеко идущие выводы, но необходимость продолжения поисков в этой области очевидна.

Итак, по музыкальным данным, в основном по типу многоголосия, Юго-Западная Болгария и Югославия заметно отличаются от основных многоголосных (гетерофонных) форм восточных и западных славян и сближаются с многоголосными традициями, с одной стороны, горных районов Балкан, а с другой — Кавказа. Разумеется, нельзя забывать, что и язык, и традиционная культура (в том числе и музыка) южных славян состоит из различных слоев разной хронологической глубины и происхождения⁴⁴. В данной работе мы коснулись тех слоев музыкальной культуры южных славян, которые обнаруживают определенные аналогии с музыкальными традициями картвелов. При этом особенно важно, что параллели с Кавказом мы находим в наиболее архаичных слоях балканской музыкальной культуры.

Наш вывод о параллелях в области многоголосия между южными славянами и картвелами совпадает с данными смежных исторических дисциплин, согласно которым на Балканском полуострове до сегодняшнего дня сохранены явные следы древнейшего автохтонного населения, притом не только дославянского, но и доиндоевропейского⁴⁵. Особо веское доказательство этому дает антропологическая наука.

В последние десятилетия антропологи пришли к важному заключению: большая часть современного населения Балкан (в том числе южных славян) отличается по своему происхождению от восточных и западных славян и генетически связана с древнейшим автохтонным населением Балканского полуострова (динарский и понтийский антропологический типы)⁴⁶. В древнейшем же автохтонном населении Балканского полуострова прослеживается генетическое родство с древнейшим населением Кавказа (кавказионский и понтийский типы), восходящим к верхнему палеолиту. Особенно важно, что антропологи отмечают сохранившиеся пласты древнего субстратного населения именно в тех регионах, где есть традиция многоголосного пения: Юго-Западная Болгария⁴⁷, почти вся Югославия, в особенности горные регионы⁴⁸, а также горная Албания и Северная Греция⁴⁹.

В болгарском и югославском этномузыкознании уже высказывались гипотезы о дославянском — фрако-иллирийском происхождении многоголосных форм

пения на Балканском полуострове⁵⁰. По мнению И. Жордания, многоголосие на Балканах имеет доиндоевропейское происхождение⁵¹. Это предположение особенно интересно в контексте балкано-кавказских связей (неиндоевропейское происхождение картвелов хорошо известно). Сравнительные исследования в области многоголосия, как видим, могут способствовать дальнейшему изучению и уточнению историко-генетических связей Балкан и Кавказа. Еще раз напомним, что балкано-кавказские музыкальные параллели затрагивают также прибалтийские, западнорусские и полесские многоголосные стили. Изучение и включение этих многоголосных очагов в сферу балкано-кавказских этномусыкальных параллелей — дело будущего.

Музыкально-этнографические параллели, отмеченные в статье, в том числе и конкретные мелодические типы, возможно, не достигают такой же хронологической глубины, как многоголосие, т. е. они могут основываться на более поздних этнокультурных, исторических взаимовлияниях, на общих типологических закономерностях развития. Но на фоне древней генетико-антропологической близости автохтонного населения Балкан и Кавказа изучение и дальнейшее выявление конкретных музыкально-этнографических параллелей может привести нас к выводам принципиальной важности.

В заключение еще раз отметим, что исследование грузинско-южнославянских (шире — кавказо-балканских) музыкальных параллелей находится на начальном этапе⁵². Оно требует привлечения новых, неиспользованных пока фольклорных пластов, увеличения количества музыкальных и музыкально-этнографических материалов и, что немаловажно, активных взаимоотношений музыковедов-фольклористов Кавказа и Балканского полуострова.

Примечания

¹ Collaer P. Notes concernat certains chants Espagnols, Hongrois, Bulgars et Georgiens // *Annuaire Musical* ... Barselona, 1954, V. IX: *idem*. Similitudes entre des chants espagnols, hongrois, bulgares et georgiens (Addendum) // *Annuaire Musical*, 1955. V. X.

² Stockman E. Kaukasische und albanische Mehrstmitigkeit // *Kongressbericht. Geseschaft fur Musikforshung*. Hamburg, 1956.

³ Якубов М. А. Болгария—Дагестан // Болгария—СССР. Диалог о музыке. М., 1972.

⁴ Peristeris S. Demotika tragodyia dropoleon Boreioy Epeiroy Epeteris toy laographikoy archaiouy. 1958. N 9, 10; *idem*. Chansons polyphoniques de l'Epire du Nord // *JIFNK*. 1964. XVI.

⁵ См.: Земцовский И. И. Этногенез в свете музыкального фольклора // *Народно стваралаштво*. Т. 8. Св. 29/32. Београд, 1969. С. 203.

⁶ Чхиквадзе Г. З. Древнейшая музыкальная культура грузинского народа. Тбилиси, 1948 (на груз. яз.); Асланишвили Ш. С. Очерки о грузинских народных песнях. Т. 1. Тбилиси, 1954 (на груз. яз.).

⁷ Зумбадзе Н. Н. О некоторых особенностях женского многоголосия в Грузии // Тезисы конференции «Вопросы народного многоголосия». Боржоми, 1986.

⁸ Кауфман Н. Българска многогласна народна песен. София, 1968. С. 3; Петрович Р. Двухголосие в музыкальной традиции Сербии // Материалы научной республиканской конференции. Боржоми, 1986.

⁹ Stoin V. Hypothese sur l'origine bulgare de la diaphonie. Sofia, 1925. Доклад прочитан в Музыкальной академии в Софии 22 мая 1925 г. Опубликован на болг. яз. в кн.: Васил Стоин. Народное искусство. 1962; Кауфман Н. Указ. раб.; Каранлыков Л. О. О некоторых музыкальных особенностях шопской двухголосной песни // Славянский музыкальный фольклор. М., 1972; Стоин Е. Музыкално-фолклорни диалекти на България. София, 1981.

¹⁰ Кауфман Н. Указ. раб., с. 134; Тодоров Т. Современное состояние музыкального народного творчества Болгарии и проблемы болгарской фольклористики // Славянский музыкальный фольклор. М., 1972. С. 85.

¹¹ Katzarova-Koukoudova R. Phenomenes polyphoniques dans la musique populaire bulgare // Kodaly: Octogenario sacrum. Budapest, 1962; Кауфман Н. Указ. раб.; Rice T. Understanding three-part singing in Bulgaria: The interplay of theory and experience // *Selected reports in ethnomusicology*. V. VII (issues in the conceptualization of music). Department of ethnomusicology Univ of California. Los Angeles, 1988.

¹² Rihtman C. Narodna muzicka tradicija istocne Herzegovine. Sarajevo, 1963. С. 78. Rihtman-Šotric D. Tradicionalna narodna musika Dreznice. Posebni et jsak iz: Glasnik zemaljskog muzeja Bosni i Herzegovine, Etnologija. Nova serija, sveska 37/1982. Sarajevo, 1982. С. 144.

¹³ Петрович Р. Указ. раб.; Дебют Д. Народна музика Драгачева. Облици и развој. Београд, 1986.

- ¹⁴ Бицевски Т. Двогласјето в СР Македонија. Скопје, 1986.
- ¹⁵ Elshekova A. Vergleichende typologische Analysen der vokalen Mehrstimmigkeit in den Karpaten und auf dem Balkan // Stratigraphische Probleme der Volksmusik in den Karpaten und auf dem Balkan. Bratislava, 1981. С. 234.
- ¹⁶ Марковац П. О наших народных песнях // Из прошлого югославской музыки. М., 1970. С. 85.
- ¹⁷ Аракишвили Д. И. Сравнительный обзор народной песни и музыкальных инструментов Западной Грузии // Тр. МЭК (Московской этнографической комиссии). Т. II. М., 1911; *его же*. Грузинское народное музыкальное творчество // Тр. МЭК. Т. V. М., 1916; *Жордания И. М.* Грузинское традиционное многоголосие в международном контексте многоголосных культур. Тбилиси, 1989. С. 12—26, 146—147.
- ¹⁸ Габисония Т. А. Некоторые вопросы грузинского народного (вокального) многоголосия. Дипломная работа. Тбилисская гос. консерватория. Кафедра грузинского народного музыкального творчества. Тбилиси, 1986. С. 78—81 (на груз. яз.); *его же*. Остинатное многоголосие в грузинской народной музыке. Тезисы конференции // Вопросы народного многоголосия. Тбилиси, 1988.
- ¹⁹ Rihtman C. O ilireskom porijeklu polifonih oblika narodne muzika Bosne i Hercegovina // Rad Kongresa folklorista Jugoslavije... Zagreb, 1958; *Кауфман Н.* Указ. раб.; *Debuh D.* Указ. раб.; *Петрович Р.* Указ. раб.
- ²⁰ См., например: Аракишвили Д. И. Грузинская музыка. Кутаиси, 1925 (на груз. яз.). С. 20—21; *Аслаишвили Ш. С.* Гармония карталино-кахетинских народных хоровых песен. Тбилиси, 1950. С. 87 (на груз. яз.); на русск. яз.—1978; *Жордания И. М.* Указ. раб. С. 43—45, 145—146.
- ²¹ *Росебашвили К. А.* Грузинские народные песни (сборник). Тбилиси, 1981. С. 45.
- ²² Бицевски Т. Указ. раб. С. 136, е. те. л. 749; С. 138. с. те. л. 811; С. 147, 26/1 с. те. л. 811; 26/2 с. те. л. 811; С. 148, 27/1 с. те. л. 699; 27/2 е. те. л. 138.
- ²³ *Кауфман Н.* Указ. раб. С. 89.
- ²⁴ *Там же*. С. 175—188.
- ²⁵ Земцовский И. И. Из болгаро-литовских этномузыкальных параллелей/Балкано-Балто-Славика как предмет музыковедения // Балто-славянские исследования. 1982. М., 1983. С. 205—223; *Brambats K.* Vilcēju vaikarbalsība latviešu tautas dziesmas un tas iespējama vecums // Cēla Zimes. 1973. № 53. Р. 280—295; 1974. № 54. Р. 361—375. London; *Бендорф В.* Виды латышского народного многоголосия // Вопросы народного многоголосия. Тбилиси, 1985; *его же*. К вопросу о взаимоотношении Прибалтийского и Балканского очагов народного многоголосия // Вопросы народного многоголосия. Боржом, 1986; *Бойко М.* Этноисторические аспекты латышского бурданного многоголосия // Вопросы народного многоголосия. Тбилиси, 1988; *Кауфман Н.* Указ. раб. С. 172—174; *Жордания И. М.* Указ. раб. С. 208—261.
- ²⁶ Рубцов Ф. А. Интонационные связи в песенном творчестве славянских народов. Ленинград, 1962; *Квитка К. В.* Явления общности в методике и ритмике болгарских народных песен и песен восточных славян // Избр. тр. в 2-х т. Т. I. М., 1971; *Кауфман Н.* Общие черты между болгарскими и восточнославянскими обрядовыми песнями // Славянский музыкальный фольклор. М., 1972; *Земцовский И. И.* О значении болгарского фольклора в исследовании русской народной музыки // Болгария—СССР: диалог о музыке. М., 1972.
- ²⁷ *Барток Б.* Народная музыка Венгрии и соседних народов. М., 1986. С. 6, 8, 12, 16 сл.; *Земцовский И. И.* Музыка и этногенез // Советская этнография. 1988. № 2. С. 23; *Харузин Н. Н.* К вопросу об ассимиляционной способности русского народа // Этнографическое обозрение. 1894. № 4. С. 55.
- ²⁸ *Жордания И. М.* Народное многоголосие, этногенез и расогенез // СЭ. 1988. № 2. С. 26, 32; *его же*. Грузинское традиционное многоголосие. С. 154—277.
- ²⁹ *Бардавелидзе В. В.* Древнейшие религиозные верования и графическое обрядовое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957.
- ³⁰ *Ястребова И. С.* Обычаи и песни турецких сербов. СПб., 1886. С. 97.
- ³¹ *Колева Т. А.* Весенние девичьи обычаи у некоторых южнославянских народов // СЭ. 1974. № 5. С. 76—78.
- ³² *Чхиквадзе Г.* Указ. раб. С. 40—42.
- ³³ *Земцовский И. И.* Музыка и этногенез (исследовательские предпосылки, задачи, пути) // СЭ. 1988. № 2. С. 21.
- ³⁴ *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974. С. 15, 106.
- ³⁵ *Георгиев В.* Тракийския език. София, 1957. С. 5—8.
- ³⁶ *Филиповић М.* Трагови Перунова култа под јужних Словена // Гласник Земальског музеја у Сарајеву. Св. III. Сарајево, 1948; *Zečević S.* Elementi nase mitologije u narodnim obredima uzigru. Zenica, 1975; *Sehebiћ С.* Герман // Гласник Етнографског музеја у Београду. 39—40. Београд, 1976.
- ³⁷ См.: *Стоин В.* Народни песни от Тимск до Вита. София, 1928; *его же*. Народни песни от Средна Западна България. София, 1931; *его же*. Български народни песни от Източна и Западна Тракия. София, 1939 и другие сборники, а также: *Зеленчук В. С., Попович Ю. В.* Антропоморфные образы в обрядах плодородия у восточнороманских народов (XIX — нач. XX в.) // Проблемы истории и культуры. М., 1976. С. 195—199; Календарные обряды и обычаи в странах зарубежной Европы. Т. I. М., 1978. С. 224—226.
- ³⁸ Грузинская народная поэзия. Т. I. 1972. С. 253 (на груз. яз.).

- ³⁹ Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Т. III. М., 1978. С. 208, 229—230, 262, 271.
- ⁴⁰ Календарные обычаи... С. 209.
- ⁴¹ Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Т. II. М., 1977. С. 250.
- ⁴² Стоин Е. Указ. раб. С. 41, 116.
- ⁴³ Стоин В. Народни пјсни от Средна Северна България. София, 1931. С. 387.
- ⁴⁴ См., например, Стоин Е. Указ. раб.
- ⁴⁵ Rihlman C. Die hauptmerkmale der konstatierten Schichten in der tradicionellen Musik und in den Musikinstrumenten Bosniens der Herzegovina // Radovi XXXVI. Odjeljenje Jstorijsko-filološkijh nauka. Kn. 9. Sarajevo, 1965.
- ⁴⁶ Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. II. Тбилиси, 1984. С. 911—912; Мерперт Н. Я. Этнокультурные изменения на Балканах на рубеже энеолита и раннего бронзового века // Античная балканистика. М., 1980. С. 33—43; его же. Этнокультурные изменения на Балканах на рубеже энеолита и раннего бронзового века. Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. М., 1984. С. 235—236; 238; Молчанов А. А. Миноийский язык: проблемы и факты // Античная балканистика. М., 1987. С. 79—81; Гордезиани Р. В. Илиада и вопросы истории и этногенеза эгейского населения. Тбилиси, 1975 (на груз. яз.); его же. Догреческий и картвельский. Тбилиси, 1985 (на груз. яз.); Черных Е. Н. Протоиндоевропейцы в системе циркумпонтийской провинции // Античная балканистика. М., 1987. С. 137—138.
- ⁴⁷ Алексеев В. П., Бромлей Ю. В. К вопросу о роли автохтонного населения в этногенезе южных славян // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: VII Международный съезд славистов. М., 1973. С. 227—229; Алексеева Т. И., Алексеев В. П. Этногенез славянского народа по данным антропологии // Там же. М., 1973. С. 218, 222; Алексеев В. П. Этногенез. М., 1986. С. 106.
- ⁴⁸ Попов М. (в сотрудничестве с Г. Г. Марковым). Антропология на българския народ. Т. 1. Физически облик на българите. София, 1959. С. 261, 262, 232, 245, 274, 278; Алексеев В. П. Происхождение народов Кавказа. М., 1974. С. 127.
- ⁴⁹ Алексеев В. П., Бромлей Ю. В. Указ. раб. С. 231; Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 263.
- ⁵⁰ Алексеев В. П. Этногенез. М., 1986. С. 106.
- ⁵¹ Rihlmann C. O ilirjes Kom...; Кауфман Н. Многоголосие—то в песенния фолклор на балканските народи // Българска музика. 1966. XVII. № 2.
- ⁵² Жордания И. М. Народное многоголосие... С. 26; Цицишвили Н. Г. К вопросу болгарско-грузинских музыкальных параллелей // Тезисы XXV науч. конф. фольклорного координационного совета при Ин-те языка и лит. АН Грузии. Тбилиси, 1986 (на груз. яз.); ее же. Несколько музыкальных и этнографических параллелей в фольклорных традициях Балкан (болгар) и Кавказа (картвелов) // Тезисы XXVI науч. конф. фольклор. координац. совета при Ин-те языка и лит. АН ГССР. Тбилиси, 1987 (на груз. яз.); ее же. Болгарско-грузинские музыкальные параллели в свете генетического родства кавказского и балканского народов // Мат. науч. сессии, посв. 150-летию со дня рождения И. Чавчавадзе. Тбилиси, 1987 (на груз. яз.); ее же. Югославско-грузинские музыкально-этнографические параллели // Тезисы республ. науч. конф. «Вопросы народного многоголосия». Тбилиси, 1988.

© 1991 г.

В. Е. Баглай

ДРЕВНЕАЦТЕКСКАЯ ТОРГОВЛЯ

Один из очевидцев и непосредственных участников покорения древнеацтекского государства, испанский конкистадор, солдат армии Э. Кортеса Б. Диас, впервые оказавшись вместе с другими европейцами на главном рынке столицы, г. Мехико-Теночтитлана, располагавшемся в городском районе Тлателлолко, испытал чувство потрясения и изумления увиденным, чувство, которое он позднее передал в своих знаменитых записках: «Сильно мы удивились... громадной массе народа, и неслыханным грудам всякого товара, и удивительному порядку... Некоторые из нас, побывавшие в Константинополе и даже исходившие всю Италию, уверяли, что нигде они не встречали столь большого и добро устроенного рынка»¹ (рис. 1).